

В апреле 1942 года Ингрид Бергман писала своим подруге Рут Робертс: "...меня часто занимала мысль, как я встречу известие о новом фильме, потому что я знала: когда-нибудь это произойдет. Вот теперь я это и узнала. Меня бросало то в жар, то в холод... Пробовала плакать, смеяться — ничего не получалось... Наконец пришло утро, и я успокоилась. Фильм называется "Касабланка", и я понятия не имею, о чем там идет речь".

Бергман вспоминала, что режиссер Майкл Кертис так до конца и не знал, что он делает, и на все вопросы актеров отвечал: "Давайте пройдем сегодня эту сцену, а завтра посмотрим, что к чему". Хэмфри Богарт бесился от неведения, а Ингрид все время пыталась выяснить, в кого же она влюблена — в Пола Хенрайда или в Хэмфри Богарта? Майкл Кертис в этом случае предлагал играть что-то среднее. И она не отваживалась смотреть с любовью на Хэмфри, поскольку тогда ей пришлось бы без всякой любви смотреть на Пола. "Из-за трудностей со сценарием я так и не разобралась в Хэмфри Богарте. Да, я целовала его, но при этом совсем не знала как человека. Он был всегда вежлив. Однако я постоянно чувствовала дистанцию. Нас будто разделяла стена. Меня это как-то отпугивало. Тогда же в Голливуде снимался "Мальтийский сокол", и я довольно часто ходила смотреть на Богарта в перерывах между съемками "Касабланки". Мне казалось, что это поможет мне узнать его лучше".

Как снимается кино, не знают лишь те, кто не знает, как оно снимается. А может, и знать-то не надо. Ведь когда смотришь на экран, и происходящее там волнует, беспокоит, тревожит, будоражит, аж дыхание перехватывает, то вопрос: как это сделано — сам собой отпадает. И когда смотришь "Касабланку" в какой уж — и не сосчитать — раз, чувствуешь, что с любовью Ингрид Бергман смотрит именно на Хэмфри Богарта. И он смотрит на нее с любовью. Только в любви этой смешаны грусть, отчаяние, несбывшееся. И нет, пожалуй, в кино более печальной и более прекрасной сцены разлуки влюбленных. Сцены их прощания, которую потом не раз попытаются повторить другие режиссеры в других картинах. И когда, скажем, герою нужно объяснить в любви, — он пересказывает "Касабланку": "Помнишь, когда Ингрид приходит к Хэмфри..." Нет, да и мелькнет в одном из кадров какого-нибудь фильма, не имеющего ничего общего ни с сюжетом, ни с персонажами, ни с событиями "Касабланки", рекламный плакат этого фильма, где Она и Он, Илза и Рик, Ингрид и Хэмфри смотрят друг другу в глаза перед тем, как расстаться навсегда. А кто-то даже вспомнит последнюю фразу, произнесенную исчезающим в тумане Риком: "Я думаю, Луи, это начало прекрасной дружбы".

О секрете успеха "Касабланки" остается только гадать. Вроде бы не случилось в ней каких-то особенных откровений и открытий, не произошло чего-то такого, что перевернуло бы наши представления о кинематографе. Она проста, наивна, открыта. Может, решающую роль сыграло именно то, что в главных ролях здесь Ингрид Бергман и Хэмфри Богарт?! Слов нет, Бергман хороша, но главная партия ведь у него, у Богарта. И не скажешь, что ведет он ее наобум. Актерская интуиция ведет и еще умение сыг-

За Богги!

К 105-летию Хэмфри БОГАРТА

рать невысказанные чувства. Его Рик в "Касабланке" нежен, циничен и ироничен, суров и раним, он азартный игрок, делающий последнюю ставку в отчаянной попытке переиграть судьбу, он окружен людьми и одинок, и в одиночку способен выстоять.

Много написано о том, что с приходом Хэмфри Богарта в кино на экран явился новый герой, "чи характер и поступки сотканы из противоречий". Он не был похож на голливудскую звезду в общепринятом смысле. Не был красив, как Гэри Купер, не был соблазнитель, как Кларк Гейбл, не был восхитительно обаятелен, как Грегори Пек, не был сексапиль, как Эррол Флинн. Мужественный шарм ему придавал шрам на верхней губе — след от травмы, полученной во время службы на флоте в Первую мировую. Он как-то по-особому держал сигарету, по-особому прищуривался, когда раскуривал ее, по-особому наклонял голову и всматривался в собеседника. Низко на глаза надвигал шляпу. И улыбался так, словно пытался скрыть эту улыбку, защититься от нее кажущейся суровостью. Он сочинял про себя невероятные истории, но сама его жизнь могла стать основой для "крутого" сценария. Он падал на дно и поднимался наверх. Перебивался эпизодами, когда Голливуд еще не дозрел "до Богарта", и уложил Голливуд к своим ногам.

Его называли Богги. Его называли "нежным бунтующим грубияном и романтиком", а в его актерской манере — особенно, когда сейчас пересматриваешь его картины, — угадываются черты современного стиля актерской игры. Живи он лет на двадцать позже, наверняка, Коппола или Скорсезе нашли бы с ним общий язык.

Самые знаменитые его роли — в "Мальтийском соколе", "Высокой сьерре", "Африканской королеве" (за которую после трех попыток получил "Оскар", опередив номинировавшегося вместе с ним Марлона Брандо, сыгравшего в "Трамвае "Желание""), в "Вечном сне", "Иметь и не иметь". Он снялся в 75-ти фильмах, стал кинозвездой в 42 года, прожил всего 58 лет.

Режиссер Джон Хьюстон сказал как-то про Богарта: "К себе он никогда не относился серьезно, а вот к своей работе — всегда". А на его похоронах в прощальном слове признался: "Его жизнь была короткой, если измерять ее годами, но насыщенной и глубокой. Он был способен зарядить миллионы людей своей жизнестойкостью. Это счастье, что среди нас был Богарт, человек, способный стать примером для каждого. Нам всегда будет его не хватать. Он незаменим".

В ноябре 1979 года, по воспоминаниям Ингрид Бергман, на "Уорнер Бразерс", в той же студии, где еще сохранилась декорация кафе "Рик", собрались участники съемок "Касабланки". Пол Хенрайд распахнул дверь и пригласил всех: "Добро пожаловать в "Рик"!". Тедди Уилсон наигрывал на рояле знаменитую песенку "Как бежит время" — 37 лет назад на этом же рояле эту же песенку наигрывал его отец Дули Уилсон. Пол поднял бокал с шампанским и произнес: "За Богги!"

Елена СМОЛЕНСКАЯ

Хэмфри Богарт в фильмах:

• "Мальтийский сокол"

• "Касабланка"

• "Король преступного мира"